

марк

АВРЕЛИЙ

наедине с собой

с комментариями и объяснениями

ничего не следует
делать зря

пока живешь,
старайся стать
достойным

следует любить
все происходящее
с тобой

не превозносись,
получая, и не ропщи,
когда отдаешь

Философия на пальцах

Марк Аврелий Антонин

**Наедине с собой. С
комментариями и объяснениями**

«АСТ»

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)32

Антонин М.

Наедине с собой. С комментариями и объяснениями /
М. Антонин — «АСТ», — (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-109702-8

Современники называли Марка Аврелия праведником на троне, равного которому еще не было. Император был преисполнен глубочайшей любви к людям, смирения, доброты и великодушия. Несмотря на то что ему приходилось быть всегда на виду, вести государственные дела, участвовать в военных походах, он часто искал уединения, находя его внутри себя. Так родилась книга размышлений «Наедине с собой», которую он писал всю жизнь. Это история его души: рассуждения, отдельные мысли, советы потомкам. Попытка разобраться в себе, в сущности человеческой жизни. До сих пор темы добра и зла, смысла бытия и неизбежности смерти, поведения людей и их отношений, затронутые в книге, остаются актуальными, а интерес читателя к этому памятнику литературы Древнего Рима – неизменным.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)32

ISBN 978-5-17-109702-8

© Антонин М.
© АСТ

Содержание

Праведник на троне	6
Первая книга	10
Вторая книга	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марк Аврелий Антонин
Наедине с собой:
с комментариями и объяснениями

© Э. Вашкевич, составление, предисловие, комментарии, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Праведник на троне

Марк Аврелий Антонин – римский император, принадлежавший к династии Антонинов, полководец и философ. Жил он почти два тысячелетия назад, в 121–180 гг.

Сначала имя будущего императора было Марк Анний Катилий Север – в честь прадеда со стороны матери. Но отец его умер молодым, и мальчика забрал на воспитание дед, опять же – со стороны матери, которого звали Марк Анний Вер. В те времена широко было распространено усыновление, и дед усыновил внука, в результате чего изменилось и имя ребенка: он стал Марком Аннием Вером.

Марк Анний Вер, будущий Марк Аврелий, принадлежал к элите римского общества, к тому же его дед состоял в отдаленном родстве с тогдашним императором Адрианом, что оказало определенное влияние на судьбу мальчика. Кстати сказать, император Адриан называл молодого человека Вериссимом, переделывая его имя «Вер», которое означало «правдивый», в «правдивейшего» – и это была весьма высокая оценка способностей Марка Анния Вера.

Его воспитывали как будущего правителя, он получил самое лучшее образование. При чем его дед был категорически против школьного обучения, и для мальчика нанимали отличных учителей. Впоследствии он упомянул их всех в своей книге «Наедине с собой», выражая благодарность и за науку, и за дружеские отношения, и за формирование личности.

В 138 году умер Луций Элий Вер, который был приемным сыном императора Адриана и должен был стать его преемником. Вскоре император Адриан усыновил Тита Аврелия Фульва Бойония Аррия Антонина, который был женат на Аннии Галерии Фаустине, родной тетке Марка Анния, сестре его отца, кроме того, теткой Фаустины по материнской линии была жена Адриана. Одним из условий этого усыновления и последующей преемственности императорства было усыновление двоих юношей: Марка Анния Вера и сына Луция Элия Вера. Все усыновления были произведены, и молодой человек вновь сменил имя. Теперь его звали Марк Элин Аврелий Вер. Ну а его приемный отец стал Антонином Пием, будущим императором.

Марку Аврелию было пятнадцать лет, когда он получил мужскую тогу – обычно это происходило после достижения шестнадцатилетия. А в семнадцать лет он стал квестором, что подтверждает его таланты правителя. И тут же состоялась помолвка с Фаустиной Младшей, дочерью Антонина Пия, который к тому времени уже был императором после смерти Адриана. В 140 году, всего в 19 лет, Марк Аврелий стал консулом.

Начиная с 139 года Марк Аврелий жил на Палатинском холме, в императорской резиденции – такова была воля Антонина Пия. Следует заметить, что сам Марк Аврелий отнюдь не рвался ни к почестям, ни к званиям, ни тем более к императорскому дворцу. Он был совсем юным, когда начал вести аскетический образ жизни. Он спал на голых досках, а в качестве одежды использовал звериную шкуру, был весьма непритязателен в еде. Для такого юноши императорский дворец был хуже темницы, но он сознавал свой долг и принимал его.

Ему было двадцать пять лет, когда он всерьез начал заниматься философией, и впоследствии из-за этого увлечения его стали называть философом на троне. Однако Марк Аврелий вовсе не был главой философской школы, как это можно предположить, он не создал собственную философскую теорию и даже не спорил со своими учителями-философами, принимая в полной мере и объеме все знания, которые они ему предлагали, все их теории и философские построения.

Его окружала поистине императорская роскошь, его обучали всему, что могло потребоваться главе государства, с молодости он принимал непосредственное участие в управлении империей и при этом получал все почести, полагающиеся по должности. А он тяготел к философии. Возможно, дело в слабом здоровье, которым он отличался с ранних лет. А может, дело в сложности и тяжести обязанностей, которые возлагали на хрупкие плечи, и требовалось выдер-

жать всё это, не подавая вида, что груз практически неподъемен. Не удивительно, что Марк Аврелий так тянулся к стоической философии, как люди тянутся к религии, ища утешения, объяснения и поддержки.

Он не стремился к власти, власть сама пришла к нему, и оставалось лишь согласиться с тем, что придется оставить науки в пользу политики – так как именно в этом состоял его долг, его путь праведности.

Марк Аврелий вовсе не был воинственным человеком, но, как императору, ему нередко приходилось возглавлять войска в походах – и это с учетом его слабого здоровья. Современники писали, что он страдал от кровохарканий в таких походах, годами мучился от бессонницы, придворный врач Гален неотлучно находился при нем. И тем не менее Марк Аврелий преодолевал телесную слабость ради исполнения своего долга, своего непреложного обязательства. Он был равнодушен к внешним почестям, очень ценил своих друзей и всегда старался воздать им должное, лишенный чувства зависти к чужим достижениям.

Философия стоиков предлагала гораздо больше, чем политеистическая религия, принятая тогда в Риме. Стоики давали своим адептам не только объяснение картины мироздания, но и указывали на место человека в этой картине, связь личности с мировым разумом, с величием космических сил и явлений. Кроме того, стоики представляли систему мировоззрения, которая помогала переносить трудности и даже страдания, недаром в современной интерпретации «стоицизм» – это вовсе не философская школа, но образ жизни, предполагающий мужественное преодоление и перенесение всех препятствий и превратностей судьбы. Расхожий стереотип: «стоическое» перенесение трудностей и испытаний. Это как раз то, в чем остро нуждался молодой Марк Аврелий, изнемогающий под тяжестью свалившейся на него ответственности. Да еще следует учитывать слабость здоровья, которую постоянно приходилось преодолевать...

Скорее всего, именно слабое здоровье подвигло Марка Аврелия так заинтересоваться проблемой жизни и смерти. Смерть с самого раннего возраста стояла у него за плечом, а ведь хотелось жить – и жить долго. Стоики предложили ему бессмертие. Причем не бессмертие в потомках или в делах, что является весьма ненадежной формой (в соответствии с учением тех же стоиков – и об этом Марк Аврелий напишет потом в книге «Наедине с собой»), но бессмертие личное – бессмертную душу, часть личности, которая не исчезает после смерти, не становится землей или травой, но сливается с мировым разумом. Такая форма бессмертия чрезвычайно привлекательна – подобное использовали и используют все монотеистические религии, предлагая своим последователям бессмертие души, которая после смерти плотской оболочки воссоединяется с Творцом.

В учении стоиков Марк Аврелий нашел опору и поддержку, в которых остро нуждался, став императором, да и ранее, когда ему приходилось исполнять различные государственные обязанности по приказу Антонина Пия. Ведь долгие годы Марк Аврелий был тенью правящего императора и своего приемного отца, готовясь к самостоятельному правлению. И когда Антонин Пий умер, его преемник был полностью подготовлен к трону, и империя не содрогнулась, как это бывает при смене правителя.

Заметим, что некоторые биографы Марка Аврелия считают, что по природе своей он вовсе не тяготел к упорству в целедостижении, не слишком был склонен доводить до конца начатое дело, трудиться с утра до вечера, да еще при этом не жаловаться на ежедневную рутину. Однако он все это делал – по примеру Антонина Пия, своего приемного отца и предшественника-императора. Причем у Антонина Пия эти качества были естественными, рутинная работа не была для него нудной, а любое начатое дело он вел к логическому завершению, считая это единственно правильным деянием. Одной из огромных заслуг Антонина Пия перед государством является то, что ему удалось привить свои положительные качества приемному сыну и наследнику, и он оставил Риму императора, обладающего многими нравственными достоин-

ствами, философа и настоящего праведника, который превыше всего ставил исполнение своего долга.

Нередко отмечают, что Марк Аврелий вовсе не принадлежал к числу тех императоров, которых называют великими. В нем не было ничего от Юлия Цезаря, Александра Македонского или даже Петра Первого. Он не расширил границы империи до края мира, не изменил законодательство или строй на более прогрессивные. Его правление было, что называется, равномерным и прямолинейным – как простейшее движение в физическом мире. Из-за этого Марка Аврелия иногда называют императором-посредственностью, ставя ему в вину чрезмерное увлечение философией.

Однако подобная точка зрения далеко не верна. Да, Марк Аврелий не сделал того, что сделал, скажем, Александр Македонский. Но у него не было и такой задачи. Он ставил перед собой цель не дать распасться огромной империи, сохранить наследие, бережно переданное в его руки Антонином Пием. Ведь не зря Марк Аврелий стал пятым императором, которых сами римляне называли «хорошими». Именно при этих пяти хороших императорах, правивших последовательно, Рим достиг небывалого расцвета. И в годы правления Марка Аврелия этот расцвет продолжался. Так не является ли исполнение подобной задачи – сохранение счастья и благополучия многих и многих граждан империи – куда большим величием, чем создание государства Александра Македонского?

Чаще всего Марка Аврелия изображают фигурой трагической, ведь именно с его жизнью закончился и золотой век Римской империи и начался бесславный кровавый закат. Можно даже предположить, что он предвидел такое завершение своих дел – крах империи. Ведь его сын, Коммод, который наследовал империю, отнюдь не отличался ни нравственностью, ни даже способностью к управлению государством. Коммода больше интересовали гладиаторские бои, и он даже сам выступал на арене – деяние непозволительное и недопустимое даже для обычного свободного гражданина, позорящее его, уж не говоря о наследнике престола. Он был далек и от стоицизма, и от аскетизма, его привлекала императорская роскошь и блеск драгоценностей. И вот такому человеку Марк Аврелий должен был передать практически неограниченную власть, предвидя все возможные последствия. Однако, читая его «размышления», можно увидеть, что печальные перспективы вовсе не угнетали императора, и нет в нем того трагизма, на который частенько намекают биографы.

Единственную книгу, которую написал Марк Аврелий, «Наедине с собой», считают своеобразным дневником, отражающим не внешнюю, но внутреннюю жизнь человека – императора, государственного деятеля и философа. Это не философский трактат, но дневник человека, ищущего уединения не в окружающем мире, удаляясь от людей, но внутри самого себя, в собственной душе, и при этом познающего себя и свою душу. Естественным, как приверженец стоической философской школы, Марк Аврелий постоянно употребляет стоические формулировки и определения, он пользуется философией как инструментом, открывающим для него некие жизненные перспективы, инструментом, с помощью которого можно расширить границы познания, соединяя себя с космосом, находя свое место в громадном мире, простирающемся далеко за пределы земного шара.

Очевидно, что именно такой философский подход не только к собственной жизни, но и к руководству империей, на всю жизнь сохранил Марку Аврелию оптимизм, несмотря на переносимые им тяготы, и даже будущий крах империи в этом свете представлялся не таким уж ужасным – ведь все преходяще, а Земля – лишь точка, и место империи, а уж тем более отдельного человека на этой точке практически невозможно различить.

Но, несмотря на все возможные катаклизмы, войны и прочее, тянется непрерывная нить из прошлого в будущее, соединяющая все сущее в цепь вселенского разума – и только это и имеет значение. И только это и есть бессмертие. Так считал Марк Аврелий. Об этом он написал книгу – для себя, к себе. И через тысячелетия мы можем воспользоваться его мудростью, его

силой и даже его добротой, с которой он всегда относился к людям. «Размышления» – поистине источник живительной мысли, к которому стоит припасть всякому, даже не увлекающемуся философией.

Через столетия Артур Конан Дойл написал: «Тому, кто пробует поставить себя выше матери-Природы, нетрудно скатиться вниз. Самый совершенный представитель рода человеческого может пасть до уровня животного, если свернет с прямой дороги, предначертанной всему существу» («Человек на четвереньках») – и этим полностью выразил общий принцип стоической философской школы, которая требовала от своих последователей жизни в соответствии с природой, что означало жизнь в соответствии с разумом. Марк Аврелий ни разу не свернул с той дороги, которую начертала природа – или вселенский разум. Каждое свое действие он соотносил с разумностью, тщательно взвешивая не только каждый шаг, но даже каждую свою мысль. «Размышления» – это весы, которыми пользовался Марк Аврелий и которыми может воспользоваться любой человек, было бы желание!

Эльвира Вашкевич

Первая книга

От Вера, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

Отцом Марка Аврелия был Марк Анний Вер, так же звали и его деда. При рождении будущему императору было дано имя Марк Анний Вер, а после двух усыновлений его стали называть Марк Элий Аврелий Вер Цезарь. Марк Аврелий зачастую, говоря об отце, имеет в виду вовсе не своего биологического родителя, но отца по усыновлению – императора Антонина Пия.

От славы моего родителя и оставленной им по себе памяти – скромность и мужественность.

От матери – благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов. А также – простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

Умеренность для Марка Аврелия была частью стоицизма, который предполагал невозмутимость, с которой настоящий стоик переносит любые жизненные испытания. Следует отличать умеренность стоицизма, связанную в большей степени с отказом от страстей, которые, по мнению стоиков, мешают самосовершенствованию, от аскетизма, предполагающего отказ от всего, без чего можно обойтись, и довольствование лишь самым необходимым. Так, Марк Аврелий, восхищавшийся неприхотливостью кулинарных запросов матери, – стоик, а вот Диоген, который, кстати, был одним из апологетов стоицизма, куда как ближе к аскетизму: легенда утверждает, что Диоген выбросил чашку, так как понял, что может пить из ладоней, сложенных лодочкой, и выбросил миску, так как понял, что можно есть из куска хлеба. Марк Аврелий был далек от отказа от столовых приборов и посуды, однако, вряд ли очень бы огорчился, если бы лишился их – как настоящий аскет.

От прадеда – то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться.

В Древнем Риме существовала целая система общественных школ, начиная от элементарной (начальной), обучение в которой продолжалось два года и заключалось в первичных навыках чтения, письма и счета, и заканчивая грамматической школой с двумя ступенями – тривиум (риторика, диалектика, грамматика) и квадриум (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). Программа общественных римских школ была сугубо практической, ориентированной на пользу. То есть, обучение должно было обеспечить возможность последующей военной или политической карьеры. Сейчас подобные предметы, способствующие дальнейшей карьере в той или иной области, называют перспективными и при обучении делают упор в основном на них. В этом плане современная система образования недалеко ушла от Древнего Рима с его общественными школами прагматичного характера. Однако у римских школ был весьма существенный недостаток: качество обучения в них в значительной степени зависело от преподавателя (как нередко бывает и сейчас). Учебной литературы, с помощью которой ученики могли бы изучать предметы независимо от преподавателя, еще не существовало – едва была осознана ее необходимость, и она только начинала

создаваться. В результате обучение в общественных школах давало весьма средние результаты, так как система, направленная на «перспективность», препятствовала гармоничному развитию и, как следствие, не позволяла в полной мере развиваться творческому мышлению. Аналогичную ситуацию можно наблюдать в современной системе не только среднего, но и высшего образования. Именно по этой причине состоятельные римляне предпочитали, чтобы их дети получали домашнее образование – со специально отобранными преподавателями. Такое образование стоило дорого и было доступно далеко не всем. Именно прадед Марка Аврелия заложил основы семейного благосостояния, а также принципы, в соответствии с которыми дети должны были получать отличное образование вне общественных школ.

От воспитателя – равнодушие к борьбе между зелеными и синими, победам гладиаторов с фракийским или галльским вооружением (пармулариев и skutариев), а также прихотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

Зелеными и Синими называли спортивные команды, выступавшие в Римском цирке. Эти команды имели своих фанатов, подобно тому, как сейчас знаменитые футбольные команды имеют своих отчаянных болельщиков.

Пармуларии – так называли гладиаторов из Фракии, так как они пользовались маленьким щитом пармулой.

Скутарий – так называли гладиаторов из Галлии, которые выступали в галльском вооружении. Заметим, что пармуларии и skutарии могли и не быть выходцами из Фракии или Галлии, основой названия оставалось именно вооружение тех мест.

От Диогнета – нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов, не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Бакхия, затем Тандасида и Маркиана. Уже с детских лет писал диалоги и полюбил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни.

Диогнет – древнегреческий художник, живший и работавший в Риме, был учителем живописи Марка Аврелия. Интересно, что известен трактат, называемый «Послание к Диогнету», написанный предположительно в 120–210 гг. В данном трактате описывается понимание христианского учения. Считается, что он обращен к некоему знатному язычнику, пожелавшему ознакомиться с новым религиозным учением. Но этот трактат может быть обращен и к тому Диогнету, который обучал живописи Марка Аврелия, а, возможно, был предназначен и для самого императора.

Упомянув о перепелах, Марк Аврелий имеет в виду боевых птиц – в Древнем Риме были распространены перепелиные бои, как позднее в Европе – петушиные. Немало любителей держало перепелов и тренировало их для боев. Считается, что перепелиные бои пришли в Древний Рим из Греции. Говоря о перепелах, Марк Аврелий фактически утверждает, что не увлекается азартными играми.

Бакхий – имеется в виду один из учеников философа платонической школы Гая. О самом Гае сведений сохранилось немного, а его труды – спорны, предполагается даже, что он не писал никаких философских трудов, ограничиваясь преподаванием.

Маркиан – по предположениям некоторых историков, преподавал Марку Аврелию судебное красноречие и юриспруденцию. Другие же специалисты считают его неизвестным персонажем. Также историкам неизвестен Тандасид. Можно предположить, что эти люди являлись домашними учителями Марка Аврелия, но, оставив след в его чувствах, не оставили такового в истории.

От Рустика – мысль о необходимости исправлять и образовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи и не разгуливать дома в сто́ле.

Сто́ла – элемент литургического облачения католического (и лютеранского) клирика. Шёлковая лента 5–10 см в ширину и около 2 метров в длину с нашитыми на концах и в середине крестами. Носится поверх альбы, под далматикой или казулой.

(Благодаря ему я пишу письма простым слогом, по примеру письма, написанного им самим из Синуэссы к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают первый шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами. Рустик первый познакомил меня с «Воспоминаниями об Эпиктете», ссудив их из своей библиотеки.

Рустик – Квинт Юний Рустик, философ-стоик (около 100–170 гг.). Квинт Юний Рустик дважды занимал должность консула, был одним из учителей Марка Аврелия и обучал императора именно учению стоиков. Он считается самым знаменитым философом школы стоиков своего времени. Именно Рустик вел суд над Иустином Философом, раннехристианским мучеником и богословом. Иустин Философ причислен к лику святых как в Православной, так и в Католической церквях. Квинт Юний Рустик, будучи в то время римским префектом, убеждал Иустина отречься от христианства и вернуться к почитанию богов Эллады (Иустин был греком), но Иустин отказался, поэтому его и шестерых его учеников сначала подвергли бичеванию, а затем обезглавили.

Марк Аврелий весьма уважал Рустика и оказывал ему различные почести. Именно Рустик познакомил Марка Аврелия с трудами Эпиктета – древнегреческого философа, который был в Риме сначала рабом, а затем вольноотпущенником, и основал философскую школу. Интересно, что сам Эпиктет, подобно Диогену, не писал философских трудов, все его учение передавалось в устной форме. Однако один из его учеников, Флавий Арриан, древнегреческий историк и географ, записал выдержки из философии учителя, и эти заметки дошли до наших дней – «Беседы» (четыре книги) и «Руководство» (этот текст можно назвать кратким изложением учения Эпиктета).

Заметим, что девизом Эпиктета было «Сдерживайся и воздерживайся!», то есть он проповедовал самоограничение как один из путей к внутренней свободе. Также Эпиктет считал, что обязательное условие внутренней свободы – самопознание. Девиз Эпиктета был полностью воспринят и принят Марком Аврелием).

От Аполлония – свободомыслие и осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кроме разума, оставаясь верным себе при невыносимой боли, потере

ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может сочетаться со снисходительностью. Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

Аполлоний – имеется в виду Аполлоний Халкедонский, философ школы стоиков, приехал в Рим по приглашению приемного отца Марка Аврелия – императора Антония Пия, в Риме стал учителем Марка Аврелия и его брата Луция Вера. Марк Аврелий убежден, что «обдуманность слова и устойчивость нрава», которые отмечал у него Флавий Филострат, достались ему от Аполлония Халкедонского в результате обучения. Для стоика такая черта характера весьма важна, так как сама основа стоического учения предполагает внутреннюю согласованность души с образом жизни в целом.

Очень интересно замечание Марка Аврелия об услугах, которые он научился принимать от друзей: для философов-стоиков это целая проблема, так как, с одной стороны, им следует проявлять определенное безразличие и сохранять чувство собственного достоинства, а с другой – требуется некое выражение благодарности. Судя по всему, Аполлоний Халкедонский продемонстрировал Марку Аврелию способ выражения благодарности, полностью сохраняющий собственное достоинство – принятие услуги без унижения, но с выражением подходящих чувств.

От Секста – благожелательность; образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни согласно природе и подлинном величии; заботливое отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, высокоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом, вопреки собственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй славой, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

Секст – имеется в виду Секст Херонейский, философ платонической школы, племянник Плутарха, знаменитого древнегреческого писателя, философа и общественного деятеля. Имеются сведения, что Марк Аврелий пользовался советами и наставлениями Секста даже в поздний период своего правления.

Марк Аврелий считает, что Секст Херонейский в полной мере обладал такой стоической добродетелью, как нестрастие, что для стоиков означает неподверженность различным страстям, которые могут возникать при неразумности и неверности суждений. Стоики выделяли следующие страсти: печаль, вожделение, наслаждение, страх. Интересно, что гнев стоики считали следствием вожделения: тот, кто гневается, вожделеет наказать обидчика.

То есть, вожделение у стоиков вовсе не связано исключительно с сексуальным порывом, а может быть направлено и на другие чувства, вожделение суть сильное желание, страстное и почти неконтролируемое. В противовес страстям, в понимании стоиков, существовали радость, осторожность и воля.

Необходимо уточнить, что, в соответствии с философией стоицизма, «жить сообразно природе» вовсе не означает упрощения жизни до возвращения в пещеры или шалаши. Напротив, стоики считают, что именно в природе человека – жить в соответствии с движениями разума, в то время как животными движут исключительно инстинкты. Следовательно, «жить сообразно природе» для стоика означает жить, пользуясь во всей полноте тем, что дарует человеку разум, то есть быть настоящим человеком разумным. Если же человек использует в своей жизни не разум, но инстинкты, то, с точки зрения стоицизма, он опускается до положения животного и фактически перестает быть человеком. При этом следует учитывать, что стоики рассуждают не только о природе человека и человечества, но и о мироустройстве в целом, частью которого является человеческая природа, равно, кстати, как и природа всего живого. Стоики считают, что даже происходящее с человеком и не зависящее от его воли происходит в соответствии с неким мировым планом, в гармонии с общим мироустройством и миропорядком. Например, болезни, смерть – как своя, так и близких, и прочее негативное, что может происходить с человеком, – тоже являются частью мирового плана. Такой мировой план считается природой общей, в отличие от природы человека, которая считается природой собственной. От собственной природы зависит оценка, которую человек дает различным событиям, его восприятие этих событий. К примеру, безропотно и даже с радостью переносить различные испытания либо, напротив, роптать и всегда быть всем недовольным – это зависит от природы каждого человека, от природы собственной. Фактически Марк Аврелий утверждает, что человек должен принимать все испытания, которые приносит ему природа общая, но при этом поступать в соответствии с природой собственной, частной. И частная природа человека должна быть добродетельной. Опять же, если человек будет стремиться к совершенствованию, то в конце концов он сможет достичь единства природы общей и частной, и в этом есть его истинное предназначение. Эти взгляды довольно близко приближаются к христианским принципам принятия испытаний, посланных человеку Богом либо за какие-то его проступки, либо просто в качестве испытаний (примером является судьба Иова, который должен был в результате испытаний доказать, что его праведность не зависит от условий жизни), а также устремления человека к идеалу, добродетели, чтобы затем воссоединиться с Божественной сущностью.

От Александра-грамматика я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, подтверждения или совместного разбора самого предмета, а не оборота речи либо посредством другого уместного приема напоминания.

Александр-грамматик, называемый также Александром Котиейским из Фригии, был преподавателем греческого языка Марка Аврелия. До наших дней дошли его комментарии к Гомеру. Считается, что Александр-грамматик преподавал Марку Аврелию не только греческий язык, но и давал ему уроки красноречия.

От Фронтон – понимание того, что тирания влечет за собой клевету, изворотливость, лицемерие и что вообще люди, слышущие у нас аристократами, отличаются бессердечием и черствы душой.

Фронтон Марк Корнелий грамматик, ритор, адвокат, поэт, писатель, философ, был консулом в 142 г. Считалось, что как оратор Фронтон уступал лишь Цицерону. Антоний Пий, римский император в 138–161 гг., назначил его наставником своего приемного сына Марка Аврелия. Также Фронтон был наставником еще одного приемного сына Антония Пия – Луция Вера, который в 161–169 гг. был соправителем Марка Аврелия, своего сводного брата. До нашего времени дошло лишь несколько фрагментов личной переписки Фронтон с Луцием Вером, Марком Аврелием и другими учениками, а также с Антонием Пием. Грамматические трактаты, которые, как ранее считалось, принадлежали Фронтому, на самом деле оказались трудами совсем другого автора. То, что в распоряжении исследователей оказалась лишь личная переписка Фронтон, привело к тому, что долгое время его репутацию считали незаслуженной – в переписке не содержалось философских идей и прочего, что могло бы заинтересовать современных ученых, но зато было много жалоб на слабое здоровье и тому подобное. Фронтон был оценен по достоинству лишь в XX столетии. Интересно, что Марк Аврелий не упоминает о талантах и репутации своего учителя, а лишь указывает на то, что с его помощью он смог узнать нечто о характере патрициев. Заметим, что из некоторых писем Фронтон следует, что у него и Марка Аврелия была интимная связь, либо они делали вид, что таковая имелаась.

От платоника Александра я научился избегать частых, не вынужденных обстоятельствами ссылок в письмах и разговорах на свою занятость и не увиливать от обязанностей по отношению к близким под предлогом «неотложных» дел.

Считается, что Александр-платоник был риторм родом из Селевкии в Кили (территория Малой Азии), секретарем Марка Аврелия, но точно это неизвестно. Возможно, это был один из учителей либо близких друзей Марка Аврелия, но высказанная в трактате благодарность подтверждает теорию об исполнении Александром-платоником секретарских обязанностей при императоре.

От Катуллы – внимательность к жалобам друзей, даже неосновательным и вздорным, стремление к улаживанию всех конфликтов, чистосердечная уважительность в отношении к своим учителям, желание воздать им хвалу, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Афинодот, а также – истинная любовь к детям.

Катулл – имеется в виду Цинна Катулл, философ-стоик, о нем имеются упоминания у других современников, труды же его до нашего времени не дошли.

Домиций – исследователи считают, что Марк Аврелий имел в виду Гнея Домиция Афру, который являлся учителем Квинтилиана, римского ритора, автора самого полного учебника ораторского искусства античных времен («Наставления оратору»). Некоторые историки, к примеру, Лоренцо Валла, ставили Квинтилиана, как оратора, выше Цицерона.

Афинодот – ряд историков считает, что в данном случае речь идет о некоем философе, который являлся учителем философа Фронтон, который, в свою очередь, был одним из учителей Марка Аврелия. Другие же категорически против и утверждают, что Афинодот, о котором упоминает Марк Аврелий, не имеет никакого отношения к Фронтому и является неизвестной личностью. Следует заметить, что, выражая благодарность тем,

кто так или иначе повлиял на его обучение и воспитание, на формирование личности и взглядов, Марк Аврелий нередко упоминает персонажей, не оставивших другого следа в истории, кроме как на страницах его трактата.

От брата моего Севера – любовь к близким, любовь к истине и справедливости. Полученные благодаря ему знания о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте и представление о государстве с равными для всех законами, устроенном на началах равноправия и всеобщего равенства, о власти, ставящей превыше всего свободу граждан. Ему же я обязан неизменным почтением к философии, благотворительностью, постоянством в щедрости, надеждами на лучшее и верою в дружеские чувства. Он никогда не скрывал осуждения чьих-либо проступков, а его друзьям не приходилось догадываться о его желаниях – они были всем ясны.

Исследователи спорят до сих пор, кого же имел в виду Марк Аврелий, говоря о своем «брате Севере». Дело в том, что у Марка Аврелия не было братьев вообще, не считая Луция Вера, который был братом по усыновлению, но здесь не совпадает имя. Некоторые историки полагают, что имеет место неверное прочтение и речь идет вовсе не о брате, а Север, о котором пишет Марк Аврелий, это – Клавдий Север, философ школы Аристотеля, который был одним из учителей Марка Аврелия. Однако другие исследователи задаются вопросом: если речь идет именно о Клавдии Севере, то почему он излагает Марку Аврелию учение стоиков, в то время как сам принадлежит к совершенно другой школе? Так что вопрос о том, кто же являлся «братом Севером», остается открытым – уверенности в правильности имеющихся гипотез нет.

Тразея – Публий Клодий Тразея Пет, римский сенатор времен Нерона, находился в оппозиции к императору, причем являлся ее лидером. Эту оппозицию называли «стоической». Был приговорен Нероном к самоубийству. В конце жизни Тразея начал считать абсентеизм (уклонение избирателей от выборов и голосования) наилучшей формой протеста против деспотизма императора. Тразея отошел от политической деятельности, предпочитая демонстративное бездействие. В основном его абсентеизм проявлялся в том, что он избегал посещения театра, когда Нерон выступал на сцене, а также всеми способами уклонялся от участия в празднествах в честь императора. Особенно он разгневал Нерона тем, что демонстративно покинул заседание сената в тот момент, когда Нерон зачитывал речь, сочиненную для него Сенекой, оправдывающую матереубийство.

Гельвидий – имеется в виду Гельвидий Приск, который был зятем Тразеи. Он также был в оппозиции к императору, как и Тразея, но Гельвидий противостоял императору Веспасиану. Гельвидий Приск считается одной из ярчайших фигур эпохи Флавиев. Его деятельность современники оценивают противоречиво, имелись как ярые поклонники Гельвидия, так и настолько же ярые враги. Кто-то утверждал, что он излишне надменен в своих спорах с императором и даже стремится к перевороту, другие же считали его воплощением свободы слова, сенатором неподкупной честности и неподкупного долга, призывающего его служить государству, не жалея ни сил, ни самой жизни. Противостояние Гельвидия и Веспасиана закончилось казнью сенатора. Более того, по просьбе Фаннии, дочери Тразеи и жены Гельвидия, сенатором Гереннием Сенеционом было написано произведение, восхваляющее Гельвидия, в результате чего Сенецион был казнен при императоре Домициане, а все его книги сожжены.

Катон – Марк Порций Катон, называемый также Младшим или Утическим. Находился в оппозиции к Гаю Юлию Цезарю. Был известен как сторонник республики, в то же время был лидером аристократии в сенате. Являлся образцом строгих нравов, что было довольно редким в Риме тех времен. Во время гражданской войны Помпея и Цезаря совершил самоубийство в Утике, когда Цезарь осадил город. После смерти стал символом республиканцев. Катона называли Дон-Кихотом римской аристократии. Любопытно, что самоубийство Катона было вызвано тем, что Цезарь прославился милостивым отношением к своим врагам, и Катон опасался, что будет помилован! Он предпочел самоубийство прощению Цезаря.

Дион – был правителем Сиракуз в 357–354 гг. до н. э., также известен как поклонник Платона. Именно влияние Платона привело Диона к оппозиции существующей власти, прежде он был преданным соратником тирана Сиракуз, более того, он был его шурином и они искренне уважали друг друга. Дион неоднократно отправлялся с посольством в Карфаген, что было весьма важно с политической точки зрения, а также он имел право свободно распоряжаться казной. Однако философия Платона привела Диона к тому, что он из ярого поклонника превратился в столь же ярого оппозиционера по отношению к наследнику своего деверя. Это противостояние длилось до самой смерти Диона и продолжалось даже в то время, когда он был официальным тираном Сиракуз и правил городом. Известно, что Дион пытался преобразовать Сиракузы по образцу идеального государства Платона, и это вызвало недовольство определенной части городского населения. В конце концов Дион был убит в результате заговора, который возглавил еще один ученик Платона – Каллипп, который стал преемником Диона на посту правителя города. Плутарх утверждает, что Каллипп впоследствии был убит тем же кинжалом, что и Дион.

Брут – имеется в виду Марк Юний Брут, военачальник и политический деятель Древнего Рима, прославившийся в основном убийством Цезаря. Считается, что у него с Цезарем были дружеские отношения, более того, исходя из информации некоторых современников, делается вывод о том, что Цезарь мог быть отцом Брута. Однако, несмотря на все это, Брут был одним из организаторов заговора против Цезаря и даже стал одним из непосредственных исполнителей убийства. Именно поэтому крылатой стала широко известная фраза Цезаря: «И ты, Брут!». «И ты, Брут!» – нарицательная фраза, которой укоряли множество «Брутов» за разнообразные преступления против близких. Например, один из персонажей «Золотого теленка» Ильфа и Петрова, находясь в сумасшедшем доме, торжественно декламирует: «И ты, Брут, продался большевикам!». Брут покончил с собой после поражения в борьбе с цезарианцами – политическими наследниками Гая Юлия Цезаря.

Судя по всему, Марк Аврелий считал биографии Тразеи, Гельвидия, Катона, Диона и Брута неким учебником для себя, по крайней мере в том, что касалось политологии и государственного устройства, а также государственного законодательства. Более того, данная информация представлялась ему настолько важной, что он включил ее в посвящение наряду с учителем, который его с ней ознакомил. Это особенно интересно по той причине, что все эти личности так или иначе противостояли существующей власти, являлись признанными и известными оппозиционерами, и при этом

готовы были отдать жизнь – и отдавали! – за свои убеждения. Показательно, что, выбирая себе образец для подражания из Катона и Цезаря, Марк Аврелий выбирает Катона, который предпочел умереть, нежели сохранить жизнь милостью Цезаря. Также интересно то, что Тразея, Гельвидий и Катон весьма почитались римскими стоиками, можно сказать, что они являлись аналогом христианских великомучеников и таким же образцом для подражания для всех последователей стоической школы.

От Максима – самообладание, неподатливость чужим влияниям, бодрость в трудных обстоятельствах, в том числе и болезнях, уравновешенный характер, обходительность и чувство собственного достоинства, старательность в своевременном исполнении очередных дел. Что бы ни говорил Максим, все верили в его искренность, что бы ни делал – в его добрые намерения. У него я научился ничему не удивляться, не поражаться, ни в чем не спешить и не медлить, не теряться, не предаваться унынию, не расточать излишние похвалы, вызывающие позднее гнев и подозрительность, а быть снисходительным, оказывать благодеяния, чуждаясь лжи, имея в виду непоправимость содеянного, а не запоздалые исправления.

Он умел шутить, соблюдая благопристойность, не выказывая презрительного высокомерия, но никто не считал себя выше его.

Максим Клавдий, философ, принадлежавший к школе стоиков (около 150 г.), был проконсулом Африки, стал известен благодаря процессу по обвинению в магии Апулея (философ платонической школы, писатель и поэт, ритор, автор романа «Метаморфозы», труды Апулея на латинском языке сохранились до наших времен). Апулей неоднократно говорил об учености Максима в превосходной степени. Клавдий Максим являлся одним из учителей Марка Аврелия.

Необходимо заметить, что способность не изумляться, сохранять спокойствие в различных обстоятельствах считались у стоиков добродетелью и воспевались многими философами, начиная от Демокрита, Диогена, Зенона и Эпиктета. В то же время у любого философа должно было присутствовать изумление определенного рода, которое, согласно Платону, и является началом самой философии. Противоречия в этом нет никакого, так как когда стоики говорят об отсутствии изумления, то речь идет об уравновешенности, об отсутствии не удивления перед окружающим миром и его явлениями, но об отсутствии возбуждения, переходящего границу нормального. Так что, с точки зрения Марка Аврелия, Клавдий Максим обладал стоическими добродетелями в полной мере, так как он был вполне спокоен и уравновешен, не переходя в своем изумлении и возбуждении границ, а держась в рамках философского учения.

От отца – кротость и непоколебимая твердость в тщательно обдуманных решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду и старательность, внимание ко всем, кто может внести какое-либо общепольное предложение, неизменное воздаяние каждому по его достоинству, понимание того, где нужна строгость, а где большая мягкость. Благодаря отцу – прекращение любовных дел с мальчиками и преданность общественным делам. Отец разрешал своим друзьям не являться на его обеды и не обязательно сопровождать его в путешествиях; те, кто отлучались по своему делу, при возвращении сохраняли его прежнее расположение. Во время совещаний он упорно настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он сохранял постоянство в отношениях с друзьями, не меняя их из-за пресыщения, но и не поддаваясь чрезмерному увлечению ими. Самостоятельность во всем, ясный ум, предвидение

событий далеко вперед, предусмотрительная распорядительность во всем, вплоть до мелочей, без тени кичливости своими способностями. Приветственных кликов и всяческой лести при нем стало меньше. И неусыпная охрана того, что необходимо государству, бережливость в расходах и выдержка, когда это ему ставилось в вину. И не было у него суеверного страха перед богами, а что касается людей, то не было ни заискивания перед народом, ни стремления понравиться, ни угодливости перед толпой, а напротив – трезвость и основательность; и никогда – безвкусной погони за новизной. Всем тем, что делает жизнь легкой – а это судьба давала ему в изобилии, – он пользовался и скромно, и вместе с тем охотно, так что он спокойно брал то, что есть, и не нуждался в том, чего нет. И никто не сказал бы про него, что он софист, вульгарный болтун или педант, а напротив – что он человек сложившийся, совершенный, чуждый лести и способный руководитель и своими, и чужими делами. Вдобавок он ценил истинных философов, а остальных не порицал, хотя и не поддавался им. Кроме того, общительность и обходительность, но не через меру. О своем теле он заботился надлежащим образом, не как какой-нибудь жизнелюбец и не напоказ, однако и не пренебрегал им, чтобы благодаря уходу за телом как можно меньше нуждаться в медицине, во внутренних и наружных лекарствах.

В особенности же он без всякой зависти уступал людям, в чем-либо выдающимся, будь то выразительная речь, исследование законов или нравов или еще что-нибудь.

Он содействовал тому, чтобы каждый был в чести соответственно своим дарованиям. Хотя он во всем соблюдал отеческие обычаи, однако никому не было заметно, чтобы он старался их соблюсти – то есть эти отеческие обычаи. Кроме того, в нем не было непоседливости и метаний, он проводил время в одних и тех же местах и занятиях. И после приступов головной боли он бывал сразу же свеж и полон сил для обычных трудов.

Не много у него бывало тайн, напротив, очень мало, да и редко когда; все они касались исключительно государственных дел. Он был благоразумен и умерен в устройстве зрелищ, в строительстве и в раздаче пособий. Он обращал внимание на самое выполнение долга, а не на славу, которую приносит выполнение долга.

Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой роскошных зданий, был непритязателен в еде, тканях, цвете одеяний, выборе красивых рабов. В Лориуме он носил парадную одежду, изготовленную в близлежащем поместье, в Ланувии, по большей части ходил одетым в хитон, в Тускуле не носил плащ, считая нужным извиняться в этом – таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму», напротив, он все разбирал во всех подробностях, словно на досуге, спокойно, по порядку, терпеливо, соответственно сути дела. К моему отцу подошло бы то, что рассказывают о Сократе – о его умении и воздерживаться и наслаждаться, в то время как большинство не в состоянии воздерживаться, не предаются наслаждениям. Быть стойким и в том и в другом, быть сильным и трезвым в суждениях – это свойство человека с совершенной и непобедимой душой. Именно таким он показал себя во время болезни Максима.

Говоря в данном случае об отце, Марк Аврелий имеет в виду не Марка Анния Вера, который был его биологическим родителем, но Антонина Пия, который усыновил Марка Аврелия и Луция Вера в 138 г. по указанию императора Адриана. Кстати, Адриан в свое время так же усыновил самого Антонина Пия, который стал императором после него. В результате усыновления Марк Аврелий получил не только родовое имя своего отца, но и родовые имена Адриана и Антонина Пия, и полное имя его стало Марк Элий Аврелий Вер, после же смерти Антонина Пия полное имя Марка Аврелия стало Марк Аврелий Антонин.

Говоря о том, что Антонин Пий положил «предел тому, что связано с любовью к мальчикам», Марк Аврелий намекает на предшественника своего

приемного отца – императора Адриана, который, подобно многим римлянам того времени, испытывал тягу не только к противоположному, но и своему полу – при наличии жены Адриан интересовался и молодыми людьми. Сейчас бы императора Адриана назвали бисексуалом, однако, сексуальную связь между ним и юношами лишь подозревали, но точных доказательств таковой не было. Тем не менее до наших дней дошло множество статуй юноши Антиноя, который считается самой большой любовью Адриана. Император настолько любил Антиноя, что когда тот погиб во время поездки в Египет, приказал обожествить его. Фактически Антиной стал последним богом мира античности, кроме того, в его честь был основан город и даже выделено созвездие (в XIX столетии его отменили, включив в созвездие Орла). Заметим, что с точки зрения стоицизма порочной является не столько возможная гомосексуальность императора Адриана, сколько его излишняя страстность в отношении к любовнику, его безутешность в горе, его отказ принять события как неоспоримую данность, как естественное природное явление. Ведь только статуй Антиноя дошло до нашего времени куда как больше, чем скульптурных изображений других римлян, не говоря уже о том, что заслуги этого юноши никак не соответствовали масштабам его известности, особенно посмертной. Правда, один из биографов императора Адриана приводит такое обоснование сверхпочитания Антиноя: будто бы Адриану была предсказана скорая гибель, но кто-то мог заменить его, умереть вместо него, и спасти жизнь императора отказались все, кроме Антиноя, который добровольно принес себя в жертву, бросившись в Нил. Другие же, описывающие жизнь Адриана, говорят не о добровольной жертве, но о юности и необычайной красоте Антиноя, упоминая при этом возможные сексуальные домогательства со стороны императора, которые могли быть неприятны молодому человеку вплоть до самоубийства, а также об интригах законной жены императора, которая могла быть заинтересована в устранении соперника. В любом случае жизнь и смерть Антиноя имели слишком большие последствия, чтобы их одобрили последователи стоической философии, каковыми являлись Антонин Пий и Марк Аврелий. Для них основным прегрешением императора Адриана в отношении к Антиною было понятие «слишком», которое считалось в стоицизме большим недостатком.

Марк Аврелий сообщает, что у Антонина Пия отсутствовал суеверный страх перед богами, и почитает эту черту характера добродетелью. Дело в том, что суеверие стоики считали разновидностью страсти, а страсти, как известно, для стоика – порок.

Следует отметить, что, описывая достоинства Антонина Пия, Марк Аврелий фактически излагает принципы стоической справедливости, следование которым считалось основной добродетелью и целью стоиков. Эти принципы были впоследствии позаимствованы христианством и органично вписались в его мировоззрение и добродетели.

Лориум, Ланувий, Тускул – Марк Аврелий перечисляет города, в которых часто бывал Антонин Пий. Лориум был любимой резиденцией Антонина Пия, Ланувий – местом его рождения. Что точно имел в виду Марк Аврелий, упоминая эти города и поведение Антонина Пия в них, неизвестно, можно лишь предполагать, что он таким образом подчеркивает неприязнительность Антонина Пия в одежде. К примеру, парадная одежда, «изготовленная в близлежащем поместье» в Лориуме, могла быть гораздо хуже

качеством, чем та, что изготавливалась в Риме, тем не менее, Антонин Пий выбирал то, что было ближе и проще, не гонясь за роскошью.

Особенно в этой части интересно упоминание о Сократе в сочетании с описанием качеств Антонина Пия и особенностей его жизни – оно подчеркивает описание этического идеала стоиков, который состоит в умении довольствоваться тем, что имеешь, не завися в своем счастье и удовольствии от того, что есть у других. Можно сказать, что современная психология основана на этом утверждении, на идеале подобного рода. То есть, подобно стоикам древности, современные психологи утверждают, что для счастья необходимо лишь внутреннее состояние человека. И свобода, и счастье – внутри самого человека, а внешние обстоятельства зависят исключительно от отношения к ним человека. Можно сказать, что Марк Аврелий излагает рецепт счастливой и полноценной жизни, который получил от отца по усыновлению – императора Антонина Пия.

От богов – то, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родичи, друзья – почти все. И то, что я никого из них ничем не обидел, хотя у меня есть такая склонность, и при случае я мог бы это сделать. Благодеяние богов, что не было такого стечения обстоятельств, которое посрамило бы меня.

И то, что я недолго воспитывался у любовницы моего деда. И что я спас свою юность; и что я не возмужал преждевременно, но еще и несколько отсрочил это.

Я научился подчиняться начальнику и отцу, который намеренно искоренял во мне всякую спесь и внушал мне, что даже при дворе не нужны ни телохранители, ни роскошные одеяния, ни факелы, ни статуи и тому подобная пышность, но что есть возможность ограничить себя, приближаясь как можно больше к быту частных лиц, и что от этого вовсе не сделаешься более медлительным и робким, когда надо проявить силу в делах правления. Я имею такого брата, который по своим нравственным свойствам мог побудить меня к развитию и вместе с тем радовал меня и почетом, и любовью.

Имеются свидетельства современников о том, что Люций Вер, брат Марка Аврелия по усыновлению, действительно относился к нему с уважением и любовью несмотря на то, что был известен порочностью нрава.

Дети мои уродились неглупыми и без телесных недостатков.

Известно, что у Марка Аврелия было тринадцать детей, причем семеро из них умерли в совсем юном возрасте.

Единственным сыном, достигшим совершеннолетия, был Коммод, который в 176–180 гг. был соправителем Марка Аврелия, а затем – императором. В первый год самостоятельного правления Коммода его сестра Анния Луцилла организовала заговор, подослав к брату убийцу. Заговор провалился, но Коммод при этом заработал настоящую паранойю – он во всем видел заговоры, а малейшее подозрение заканчивалось казнями. В конце концов императора убили – по свидетельствам современников, у него были явные психические отклонения, причем заговор был организован его любовницей, управляющим двором и префектом претория, то есть людьми, приближенными к императору. После смерти Коммода сенат тут же объявил его «врагом отечества». Толпа требовала надругательства над телом, но оно было тайно захоронено.

Заметим, что некоторые историки сомневаются в отцовстве Марка Аврелия, считая Коммода сыном одного из любовников его жены, Фаустины Младшей. Это мнение основано и на внешнем несходстве Коммода и Марка

Аврелия, но в большей степени – на внутреннем: умный и благородный Марк Аврелий, по мнению многих, не мог иметь сына, не отличающегося ни умом, ни благородством, ни даже психическим здоровьем. Современники императора утверждали, что Коммод был сыном гладиатора, в подтверждение этой версии приводилась страсть Коммода к гладиаторским боям – он провел 735 боев! А ведь в те времена свободные граждане не выступали на гладиаторской арене, это считалось крайним бесчестьем.

Учитывая все эти факты, можно подумать, что либо Марк Аврелий сам не считал Коммода своим биологическим сыном, либо находился по отношению к нему в счастливом ослеплении, как и многие родители.

Коммод был неспособен управлять государством, вызывая всеобщую неприязнь, к тому же он был психически неуравновешен, неадекватен и непредсказуем.

Хорошо и то, что я не оказал особых успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в остальных занятиях, которым я, пожалуй, предался бы, если бы чувствовал, что быстро иду в них вперед.

Марк Аврелий в письмах к Фронтому говорил, что оставляет риторику, чтобы не испытывать самодовольства – это чувство, по его словам, возникало каждый раз, когда ему удавалось говорить особенно красноречиво. А поскольку подобные чувства для стоика неприемлемы, то Марк Аврелий, оставив риторику, начал заниматься философией. Однако Фронтон считал, что его ученик напрасно бросил занятия риторикой, так как имел к ним несомненный талант. Фронтон убеждал Марка Аврелия, что даже при огромных успехах в философии ему придется стать императором, несмотря на то, что это противоречит обычным правилам философии. Как известно, Марк Аврелий последовал этому совету – он стал императором, не переставая, впрочем, в какой-то мере оставаться философом. Более того, в результате несомненного увлечения императора философией эта наука вошла в моду в Риме, что обеспечило определенный научный расцвет государства.

Я не замедлил обеспечить моим воспитателям то почетное положение, которого они, как мне казалось, желали, и не откладывал осуществление их надежд на последующее время под предлогом, что они еще молоды.

И то, что я познакомился с Аполлоном, Рустиком и Максимом. Часто и отчетливо возникало у меня представление о том, какова жизнь, согласная с природой, так что, поскольку это зависит от богов и от исходящих от них даров, воздействий и внушений, ничто уже не мешает мне жить согласно природе, а если меня на это не хватает, то только по моей вине и оттого, что я не соблюдаю исходящих от богов нападаний и чуть ли не прямых нападений.

И то, что я настолько еще сохранил свое здоровье при такой жизни. И то, что я не коснулся ни Бенедикты, ни Федота, да и впоследствии оставался здоровым, когда овладевали мной любовные страсти. Я часто сердился на Рустика, но ничего не сделал такого, о чем бы потом пожалел.

Судя по этим строкам, можно предположить, что Марк Аврелий отличался крепостью здоровья, что, однако, не соответствует действительности. Известно, что он страдал от бессонницы, имеется предположение, что у Марка Аврелия была хроническая язва желудка, так как биографы императора упоминают о весьма строгой диете, которую ему приходилось соблюдать. Также есть сведения, что у него часто бывали простудные заболевания – ангины и бронхиты. Биографы императора

упоминают, что он принимал от своих болезней лекарство под названием фериак, будто бы это средство помогало от всех недугов.

Необходимо заметить, что фериак – это вовсе не название какого-либо одного лекарственного препарата. Точно так же мы сейчас говорим о жаропонижающих средствах либо кардиологических препаратах и тому подобном, так же и фериак – данное лекарство имело несколько разновидностей разного состава. Некоторые из них являлись противоядием, другие – лекарством от некоторых заболеваний. Нельзя точно утверждать, в качестве чего Марк Аврелий принимал фериак – как лекарство или как противоядие. Гален, который наблюдал за здоровьем Марка Аврелия, ссылаясь на Митридата и самого Марка Аврелия, говоря о приеме фериака в качестве профилактики от любых ядов. Кстати, легенду о Митридате использовал Александр Дюма в своем знаменитом романе «Граф Монте-Кристо» – в беседе госпожи де Вильфор и графа Монте-Кристо упоминается о том, что Митридат «выпивал каждое утро чашку яда со сливками» в качестве профилактического средства от возможного отравления, но при этом граф говорит, что таким образом можно предохраниться лишь от того яда, который используется для профилактики. В противоположность Дюма Гален писал: «Если принимать это лекарство ежедневно, как делали император Марк Аврелий или сам Митридат, станешь совершенно невосприимчивым к любым ядам». Возможно, Гален имел в виду некую смесь, в состав которой входили вещества из всех трех микстур, и именно она могла послужить своеобразной ядопанацеей. Какой именно фериак принимал Марк Аврелий история умалчивает.

Гален пишет также о маковом соке, который добавляли в микстуру императора. Бытовало даже мнение, что Марк Аврелий был опиоманом, и два историка спорили до хрипоты: один из них утверждал, что «Размышления» написаны под воздействием опиума, трактат является всего лишь результатом наркотического опьянения, второй же говорил, что книга Марка Аврелия представляет собой лишь набор старых штампов, которые автор надергал отовсюду, а затем собрал в единую книгу. И тот и другой ошибались. На самом деле Марк Аврелий вовсе не был зависим от опиума – маковый сок ему добавляли в лекарство временно, в качестве снотворного, а затем от него отказались.

Заметим, что Гален был весьма известным медиком, хирургом и философом, он внес заметный вклад в медицину, фармакологию и неврологию, а также в философию – до нашего времени дошло около ста его трудов в области философии, медицины и фармакологии, всего же их было около четырехсот. Гален был придворным врачом Марка Аврелия, а затем и его сына Коммода, а впоследствии стал врачом Септимия Севера, еще одного императора. Интересно, что Гален рекомендовал вполне современные для нас методы лечения практически любых заболеваний: правильное питание и верно подобранные лекарственные препараты. То есть диету он считал таким же средством лечения, как и лекарства.

Родительница моя, которой предстояло умереть молодой, все же прожила вместе со мной свои последние годы.

Сколько бы раз я ни захотел помочь какому-нибудь бедняку или в чем-нибудь нуждающемуся, мне никогда не довелось слышать, что у меня нет денег для этого. Да и мне самому не приходилось впадать в такую нужду, чтобы занимать у другого.

И то, что жена у меня такая послушная, так нежно любимая, такая простодушная.

Марк Аврелий был женат на Аннии Галерии Фаустине, которая была известна как Фаустина Младшая, так как ее мать носила то же имя. Отцом Фаустины Младшей был император Антонин Пий. Первоначально Фаустина Младшая предназначалась в жены Луцию Веру, брату по усыновлению и соправителю Марка Аврелия, но после смерти императора Адриана была выдана замуж за Марка Аврелия. Биографы считают, что она, как и Коммод, страдала базедовой болезнью, поэтому имела необычно выпученные глаза. Фаустину Младшую обвиняли в распутстве, как и ее мать в свое время, даже предлагали Марку Аврелию либо казнить неверную жену, либо по крайней мере развестись с ней. Однако Марк Аврелий отказался и от казни, и от развода, сказав, что при разводе должен будет вернуть жене ее приданое. Ну а приданым Фаустины Младшей было усыновление Антонином Пием, в результате которого Марк Аврелий и получил императорскую власть.

О Фаустине Младшей говорили, что у нее были интимные отношения с Луцием Вером, ее зятем. Утверждали, что он рассказал своей жене о связи с ее матерью, за что и был отравлен мстительной Фаустиной. Также говорили, что она была вдохновительницей мятежа Гая Авидия Кассия в 175 году – Кассий поднял мятеж в восточных провинциях, но его не поддержали, и неудачливого бунтовщика убили свои же солдаты, а отрубленная голова была отправлена Марку Аврелию. Считается, что Фаустина подговорила Кассия на мятеж по той причине, что Марк Аврелий в это время был тяжело болен, врачи опасались за его жизнь, и жена опасалась, что в случае его смерти она лишится власти. Кассий был для нее запасным аэродромом. Но Марк Аврелий благополучно выжил, а мятеж самоликвидировался.

Учитывая отзывы современников и историков о Фаустине Младшей, странно читать удивительно теплые строки, посвященные ей Марком Аврелием. Некоторые историки полагают, что они были написаны уже после смерти Фаустины, исходя из принципа «о мертвых либо хорошо, либо никак», но весьма вероятно, что Марк Аврелий действительно нежно относился к жене.

И то, что в изобилии имелись подходящие воспитатели для детей.

Богам я обязан и за то, что в сновидениях мне была дана помощь, в особенности – против кровохарканья и головокружения, что бывало в Кайете...

Во времена Марка Аврелия верили в сновидения, в их пророческий смысл. Во времена поздней античности считалось, что бог врачевания Асклепий во сне сообщает и диагноз, и способ лечения заболевания. В это верили повсеместно, в том числе и последователи стоической школы. Врач Марка Аврелия, Гален, был убежден в истинности сновидческих предсказаний, особенно в том, что касалось заболеваний.

Кайета – старинное название Гаэты, портового города в Кампании, недалеко от Неаполя.

И то, что, когда я стремился к философии, я не наткнулся на какого-нибудь софиста, не сидел над сочинениями историков, не занимался разбором умозаключений и не предавался изучению небесных светил.

Вероятно, стремление Марка Аврелия к философии было связано с определенными проблемами в древнеримской империи: повсеместный

разврат, разложение нравов, постоянные войны, бунты и восстания, грязь и кровь – подобная жизнь вызывала желание абстрагироваться, получить независимость внутреннего мира человека от внешних обстоятельств. Собственно говоря, подобное стремление характерно для людей в тяжелые времена не только в Древнем Риме. Так, всплеск религиозности всегда наблюдался во время войн, голода, эпидемий и других бедствий. Средневековая Европа изобрела инквизицию именно в кровавые времена, и, как ни странно, религиозность тогда поддерживала кровавость – достаточно вспомнить крестоносцев и крестовые походы. Стоит отнять у человека идеал, сверхзадачу, как он тут же начинает ее искать всеми доступными ему способами: в философии, религии, эзотерике и так далее. Поиск сверхзадачи в философии привел в 1917 году к революции в России, а все начиналось с теоретических философских построений, рассуждений об идеальном обществе и государстве – с того же, что делали все философы, начиная от Аристотеля и Платона. В 90-е годы прошлого столетия на постсоветском пространстве исчезла сверхзадача – построение коммунизма, счастливого общества для всех людей, и немедленно возник всплеск религиозности, начали восстанавливаться храмы и религиозное сознание. Так что не удивительно, что Марк Аврелий обратился к философии в трудные для государства времена. А то, что этой философией оказался стоицизм, тоже не случайно – стоики предлагали человеку не просто отвлеченные рассуждения, чистую науку, но систему мировоззрения, жизненный путь, правила, которые помогли бы сохранить самообладание в любой ситуации, с достоинством переносить любые трудности и обстоятельства внешнего мира, стоики предлагали ту самую независимость внутреннего мира от внешнего, к которой стремятся люди, оказавшиеся в сложных внешних обстоятельствах.

Ведь все это нуждается в помощи богов и судьбы.

Писано в области квадов, на берегу Грануи.

Квадами называли одно из германских племен, квады жили в верховьях Эльбы и Одера, а также к северу от Дуная. Грануя – левый приток Дуная.

Данная пометка является и по сей день предметом споров для многих исследователей, так как с ее помощью они пытаются датировать различные части книги. Эту пометку относят то к первой, то ко второй части. Одни исследователи уверены, что нумерация частей книги соответствует последовательности их написания, другие считают, что последовательность написания была иной и лишь потому части были расставлены в существующем порядке. Так, первую часть датируют то самой первой, то написанной не только после второй или даже после третьей части.

Первая глава книги фактически является посвящением, которому обычно авторы уделяют несколько строк. Однако Марк Аврелий не является обычным автором, и его посвящение заняло куда как больше места. Судя по этому посвящению, Марк Аврелий считал, что его достижения не являются его личной собственностью и тем более его личной заслугой. Все это, по мнению Марка Аврелия, было заслугой «коллектива авторов»: его учителей, друзей и соратников. Именно они, считал он, сделали его тем, кем он стал, и именно с ними он желал разделить свой успех и свои достижения. Отсюда – и такое объемное посвящение, и перечисление личностей, практически неизвестных историкам. Марку Аврелию было безразлично, насколько глубока борозда,

проложенная его учителями на полях истории, главным было лишь то, насколько глубок оказался след, оставленный ими в его личности, насколько объемным было их влияние на него лично, на формирование и становление. Остается только сожалеть, что часть имен, указанных Марком Аврелием в первой главе книги, неизвестно. Очевидно, это были весьма интересные личности, раз Марк Аврелий настолько ценил их, что указал в посвящении фактически как своих создателей.

Изучение этого посвящения, составившего первую часть философского трактата Марка Аврелия, приводит к выводу, что сам текст является своеобразным дневником. Собственно, на это указывает и сам автор, называя книгу «К самому себе». Именно поэтому Марк Аврелий не конкретизирует некоторые события, на которые ссылается в тексте – когда пишешь для себя, в этом нет никакой необходимости, лишь для других следует пояснять, что имелось в виду. То же относится и к личностям, упоминаемым автором.

Из перечисленных Марком Аврелием качеств, за которые он выражает благодарность как богам, так и своим учителям, можно сделать вывод, что он всю жизнь стремился к тому, чтобы стать стоическим мудрецом, то есть, человеком, который смог бы объединить природу общую и частную, достичь единения с тем, что сейчас назвали бы Вселенским разумом. Можно сказать, что каждый стоик был устремлен к тому, чтобы стать стоическим мудрецом – так же, как буддисты стремятся к нирване, а христиане – к святости. Однако если некоторые христиане смогли все же достигнуть статуса святых, а некоторые буддисты все-таки отыскали свою нирвану, то не нашлось ни одного стоика, который стал бы стоическим мудрецом. Представляется, что невозможно в полной мере – как требует учение стоиков – объединить природу самого человека, его душу и разум, с природой общей. Возможно, все дело в определении того, что является природой частной, а что – общей, и как выглядит их слияние. А может быть, дело в природе человека, который может переносить выпавшие на его долю испытания без ропота, смиряясь с судьбой, но не в состоянии достигнуть того внутреннего покоя, которого требует от мудреца стоицизм, то есть быть полностью бесстрастным, определяя все свои поступки только разумом, не чувствами.

Вторая книга

Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Эти свойства проистекают от незнания ими добра и зла. Я же, познавший прекрасную природу добра и постыдную – зла, понимаю и природу тех, кто заблуждается. Они мне родственны не по крови и происхождению, а по божественному соизволению и разуму. Я защищен знанием от их зла. Они не могут вовлечь меня во что-либо постыдное. Но нельзя и гневаться и ненавидеть тех, кто мне родствен. Мы созданы для совместной деятельности, как ноги и руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу – противно природе; а досадовать и чуждаться таких людей и значит им противодействовать».

Принято считать, что здесь Марк Аврелий повторяет других философов стоической школы, к примеру Сенеку и Эпиктета, говоря и об утреннем обращении к себе (подобное имеется у Сенеки в трактате «О гневе»), и о знании, защищающем от зла – с точки зрения стоиков, знание – это не просто наличие сведений, информации о каком-либо предмете или явлении, но еще и воля, а также стремление поступать в соответствии со знанием, то есть с имеющейся информацией и волей, при этом просто невозможно поступать иначе, поскольку так диктует внутреннее состояние.

Однако данный абзац можно расценить и как руководство управителю по обращению с подчиненными, совет государственному деятелю по отношению к народу. «Мы созданы для совместной деятельности...» – вот что необходимо помнить государственному деятелю, каковым и являлся Марк Аврелий. И пусть подданные навязчивы, неблагодарны, заносчивы, коварны, завистливы и неуживчивы, тем не менее, они являются инструментом для решения определенных государственных задач, и каков бы ни был этот инструмент, им необходимо научиться пользоваться. Как прекрасно сформулировал Алексей Толстой в романе «Петр I», вложив эти слова в уста царевны Софьи: «Да уж какие ни на есть, – умнее слуг нам не дадено». Именно потому, что Марк Аврелий руководствовался пониманием слабости человеческой, а также не забывал, что даже не слишком привлекательные духовно люди, тем не менее, «созданы для совместной деятельности», он был таким успешным правителем и вошел в список пяти «хороших» императоров, а впоследствии Септимий Север, пытаясь сохранить за своим семейством право наследования престола, объявил, что является сыном Марка Аврелия, а своего сына – Бассиана Каракаллу – назвал Марком Аврелием Антонином. То есть Марк Аврелий был настолько почитаем в народе, что даже имя его уже являлось поддержкой для последующих императоров. Необходимо заметить, что популярностью пользовались все государственные деятели, которые следовали вышеуказанным принципам и считали подданных родственными себе «по божественному соизволению и разуму» – как Марк Аврелий. Можно сказать, что это – один из секретов популярности для политика либо руководителя любого ранга.

Также необходимо указать, что, говоря о добре и зле, Марк Аврелий имеет в виду добро и зло с точки зрения стоической философии, то есть нравственное добро и зло – для стоика это единственно возможное добро или

благо, а также зло. В свою очередь эти понятия являются тождественными для прекрасного и безобразного, уродливого и постыдного.

Интересно, что сравнение общества, его гражданской и политической организации с человеческим организмом, частями тела распространилось в литературе Древней Греции начиная с окончания V в до н. э. и оказалось таким удачным, что дожило до наших дней и используется повсеместно, начиная от описания семейных отношений (муж – голова, жена – шея) и заканчивая описанием общественного строя (к примеру, королей часто сравнивали с сердцем государства, а кабинет министров – с головой, ну а народ традиционно был руками и ногами).

Чем бы я ни был, я только немощное тело, слабое проявление жизненной силы и господствующего начала. Оставь книги, не отвлекаясь от дела, время не терпит. Пренебреги своим телом, как будто ты при смерти. Оно лишь кровь да кости, брэнное плетение нервов, жил и артерий. Рассмотрим также существо жизненной силы; оно – изменчивое дуновение, каждое мгновение то вдыхаемое, то выдыхаемое. Итак, остается лишь третье – господствующее начало, о нем-то ты должен подумать. Ты стар: не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы им помыкали противоборствующие стремления, чтобы оно жаловалось на свой настоящий удел и приходило в ужас пред будущим.

Здесь Марк Аврелий излагает не столько свои жизненные принципы, сколько философские взгляды, что, впрочем, для последователя стоической школы весьма близко, а в некоторых случаях – одно и то же. Господствующее начало здесь – это «разумное дыхание», человеческая душа. Стоики считали, что ведущая часть души находится в сердце и является средоточием всех психических процессов, кроме того, именно эта ведущая часть объединяет все в единое целое – все пять органов чувств, органы речи и воспроизведения. Интересно, что Марк Аврелий отделяет мыслительную способность как таковую от души, что, в общем-то, не соответствует стоическому учению. Более того, Марк Аврелий рассматривает душу как нечто нематериальное – подобно многим религиям, но для стоиков душа – это еще одна форма существования материи, то есть субстанция вполне материальная. Некоторые исследователи считают, что это связано с влиянием на Марка Аврелия учителей платонической школы или перипатетиков. Также есть мнение, что на Марка Аврелия оказало влияние учение Посидония (философ стоической школы, историк, географ, астроном, жил около 139–50 гг. до н. э.), который противопоставлял разумным способностям и устремлениям духовного начала неразумные – страсти и вожделения.

Любопытно, что здесь Марк Аврелий ссылается на собственную старость, а ведь тогда, когда он писал эти строки, ему было всего лишь чуть больше пятидесяти лет. Однако он умер в 58 лет, так что можно предположить, что Марк Аврелий предвидел свою относительно скорую смерть, учитывая состояние здоровья и нагрузки, которым он подвергался. И старость для него была не столько возрастом, сколько недалеким окончанием жизни, к которому следовало подготовиться должным образом. Правда, умер император вовсе не от своих болезней, а от чумы, но, в соответствии с положениями стоицизма, смерть может настигнуть человека в любое мгновение, и к этому следует быть готовым, как к неизбежной данности.

Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы, т. е. в связи с тем, над чем господствует промысел. Все происходит

из этого источника, в нем и неизбежное, и полезное всему миру, часть которого – ты. Для всякой части природы благо то, что производит природа Целого и что содействует ее поддержанию. Изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение, пусть они будут твоими основоположениями. Умерь жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть. Уходя из жизни, храни спокойствие духа, воздав богам искреннюю, сердечную благодарность.

Случай для стоиков – это явление, причина возникновения которого человеку либо неизвестна, либо недоступна. Иначе это можно выразить так: случай есть непознанная закономерность. То есть случая как полностью случайного события на самом деле не существует – просто объема знаний человека недостаточно, чтобы определить ту закономерность, из которой проистекает с неизбежностью то либо иное событие. А вот промысел или судьба для стоиков – это проявление разума порождающей силы, а также закона природы. Диоген Лаэртский (древнегреческий философ и историк, жил приблизительно в 180–240 гг., составил книгу популярных анекдотов о древнегреческих философах, в том числе и о Диогене Синопском, широко известным тем, что жил в пифосе – большом глиняном сосуде, который впоследствии был переименован в бочку) писал, что судьба есть «причинная цепь всего сущего». Неизбежное, необходимое – для стоика это событие уже произошедшее и поэтому необратимое. Позднее стоики начали отождествлять судьбу и необходимость, говоря о том, что судьба – неизбежна.

Элементами, стихиями или первоосновами для возникновения всего существующего стоики считали огонь, воздух, землю и воду. Превращения же этих элементов-первостихий, а также их разнообразных соединений и являются основой для существования мира.

Вспомни, с каких пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз, получив у богов отсрочку, ты не воспользовался ею. Следует в конце концов осознать, к какому миру ты принадлежишь как часть, истечением какого мироправителя ты являешься. Знай, что положен предел времени твоей жизни, и если не воспользуешься им для собственного просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более не вернется.

Нередко исследователи трактуют этот абзац, перефразируя известный фразеологизм древнегреческого философа Гераклита из Эфеса – «все течет, все изменяется», то есть они считают, что в данном случае Марк Аврелий говорил не о личной смерти, но об исчезновении каждого момента, о его невозвратности. Однако эти размышления более похожи на совет смертному использовать каждый момент жизни во всей его полноте, так как вернуться к этому моменту никогда больше не удастся, а впереди – смерть и полное исчезновение.

Заботься о деле, которым сейчас занят, чтобы выполнить его достойно римлянина и мужа, с полной серьезностью, искренностью, с любовью к людям и справедливостью. Отстрани от себя иные побуждения.

Будет удача, если каждое дело исполнишь как последнее в своей жизни, освободившись от безрассудства, подогреваемого страстями, пренебрежения к велениям разума, лицемерия, себялюбия и недовольства собственной судьбой.

Видишь, как скромны требования, исполнив которые, всякий сможет достичь блаженной, божественной жизни. Да и сами боги от того, кто исполняет это, ничего большего не требуют.

Для философов стоической школы счастьем являлось благое (блаженное) течение жизни, и если вести жизнь без страстей, руководствуясь разумом, добродетельно, то можно стать равным богам, тем самым стоическим мудрецом, который фактически обладает божественной сущностью. Несмотря на то что Марк Аврелий называет требования скромными, обещая всякому человеку «блаженную, божественную жизнь», никому не удалось достичь статуса стоического мудреца.

Интересно, что здесь особенно ярко проявляется слияние образа мышления и образа жизни для последователя стоической школы: мировоззрение Марка Аврелия, его взгляды на каждодневную жизнь, на каждый единый миг своего существования полностью основаны на учении стоиков.

Ярким примером человека, отказавшегося в своей жизни от страстей и ведущего добродетельную жизнь, является герой романа Достоевского «Идиот» князь Лев Николаевич Мышкин. Более того, сама его болезнь напрямую связана – пока он не-страстен, сохраняет добродетель в истинно стоическом стиле, он совершенно здоров, но стоит только допустить любую страсть, пусть даже самую благородную – сострадание, любовь, жалость, выходящие за рамки обычных чувств и переходящие на уровень страсти – он тут же заболевает, теряет не только физическую силу, но и рассудок. Так же не-страстен в стоическом смысле еще один литературный персонаж – Пьер Безухов. Любопытно то, что оба этих литературных героя считаются чуть не юродивыми, блаженными, причем князя Мышкина изначально вообще позиционируют идиотом и душевнобольным не столько из-за эпилептических припадков, сколько из-за не-страстия.

Ну, что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнестись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей.

Весьма интересное высказывание, перекликающееся с мнением современных психологов, которые по большей части безуспешно пытаются научить людей быть счастливыми и самодостаточными: невозможно быть счастливым, если счастье (благоденствие) зависит от других людей, только в том случае, если счастье (благоденствие) является внутренней сутью человека, он будет счастлив по-настоящему. Еще две тысячи лет назад Марк Аврелий понимал эту простую на первый взгляд истину: счастья/благоденствия нет вовне, оно – исключительно внутри.

Пусть не рассеивает тебя приходящее к тебе извне! Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления.

Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным от того, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.

Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение одной к другой и какой частью какого Целого является природа меня самого, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, частью которой ты являешься.

Феофраст, оценивая различные проступки (поскольку такая оценка возможна с обычной точки зрения), замечает как истинный философ, что проступки, сделанные по влечению, более тяжкие, чем проступки под влиянием гнева. Ведь гневающийся, отвернувшись от разума, испытывает, по-видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение, прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаждения, проявляет, по-видимому, в своих проступках большую распушенность и изнеженность. Правильно поэтому, решает Феофраст, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен скорее тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вождением к какому-нибудь действию.

Феофраст – древнегреческий философ (около 370–287 гг. до н. э.); считается родоначальником истории психологии и теории познания, естествоиспытатель и теоретик музыки. Был учеником Платона, а затем учеником и ближайшим другом Аристотеля, в 323 году до н. э. стал главой школы перипатетиков вместо Аристотеля).

Следует заметить, что для стоика все проступки являются равными, так как любой проступок – это отклонение от нормы, причем не просто от нормы, а от верного пути, который может быть единственным. Подобное отклонение у стоиков примерно то же, что и понятие греха в христианстве (кстати, грех в христианстве – это тоже отклонение от декларируемой нормы, которой является благочестие). Но так как все проступки равны, то Феофраст, оценивая их, высказывал взгляд, который не совсем совпадал со строго стоическим, отсюда оговорка Марка Аврелия: «такая оценка возможна с обычной точки зрения» – Марк Аврелий подчеркивает, что подобная оценка не является стоической, но принадлежит к «обычной точке зрения» – не философа, но человека. В то же время, несмотря на равенство всех проступков, стоики считали, что наказания за них должны быть различными – этот нюанс относили к так называемым парадоксам стоиков.

Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не свергнут тебя во зло.

В соответствии с учением стоиков, боги не могут свергнуть человека во зло, так как нравственное зло имеется только в самом человеке и только он сам может свергнуть себя во зло, в порок. То есть, говоря просто: каждый – сам кузнец своего счастья. И несчастья, соответственно, тоже.

Если же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл жить в мире, где нет богов или нет промысла?

Атеисты существовали и во времена Марка Аврелия, а вот эпикурейцы, атеистами в полной мере не являясь, тем не менее считали, что богам до людей нет никакого дела и о человеческих делах и проблемах они совершенно не заботятся.

Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает худшим человека, может ли сделать худшей жизнь человеческую? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию преду-

предить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зла между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными. Смерть и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность – все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло.

Данное рассуждение относится к стоической философии: не благо и не зло – суть вещи безразличные, то, к чему устремляется стоик. Безразличные, средние вещи, тем не менее, могут привести как к пороку, так и к добродетели – все зависит от человека, который их использует, но не от самой вещи. К примеру, топор: кто-то использует его для колки дров, чтобы затем отапливать помещение – и это использование во благо, а вот Раскольников у Достоевского использовал топор для убийства – и это явное зло. Причем изначально топор – вещь безразличная, не относящаяся ни к пороку, ни к добродетели, и сама по себе, в соответствии с учением стоиков, безразличная в отношении счастья. Вывод однозначен: именно человек решает, каков будет поступок – будет ли он порочен или добродетелен, но вещь безразличная, средняя, не подталкивает его ни к тому, ни к другому. Однако есть еще один нюанс в стоической философии: в безразличных вещах и явлениях различаются вещи и явления предпочтительные и нет. К примеру, здоровье – вещь/явление предпочтительное, а вот болезнь – с точностью до наоборот. Предпочтительные вещи и явления соответствуют природе (в соответствии со стоической философией).

Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляется тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, низменно, бrenно и мертво! Вот на что следует направить способность мышления. Что представляют собою те, убеждения и голоса которых рожают славу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.